

Сергей
Саканский

Друг мой
сыщик

ФОРМУЛА КОШАЧЬЕГО ЦАРЯ

Классический
детектив

Друг мой сыщик

Сергей Саканский

Формула Кошачьего царя

«Автор»

2010

Саканский С. Ю.

Формула Кошачьего царя / С. Ю. Саканский — «Автор»,
2010 — (Друг мой сыщик)

По городу ползут странные слухи: в сумерках на окраине появляется устрашающая фигура, чей вид приводит в трепет запоздалых прохожих. Что это – экзотическое животное, сбежавшее из зверинца, переодетый человек или не известное науке существо? Независимый журналист Жаров решает выследить монстра. Когда на пустыре находят истерзанный труп, за дело берется следователь Пилипенко. Он не верит в таинственного «Пустырника» и расследует преступление, совершенное реальными людьми, по самой традиционной причине. Невероятным кажется ему лишь способ, которым было совершено убийство: пожилая женщина приручила целую стаю котов и уверяет, что может управлять своим «войском» при помощи древней магии.

Сергей Саканский

Формула Кошачьего царя

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: кошка, венчающая башенку «Дома с кошками» в Риге.

Не так давно по городу поползли странные слухи: они исходили от бомжей, которые обитают на Троекуровском пустыре, что рядом с кладбищем. По их словам, время от времени в сумерках на пустыре появляется странная фигура, чей вид приводит в трепет даже трезвого человека, не дрожащего от вечного холода и похмелья, хотя, конечно, такого человека вряд ли возможно сыскать среди бомжей.

Существо прозвали Пустырником, именно потому, что оно появлялось на пустыре. Впервые услышав это прозвище, Жаров усмехнулся: до чего ж богат русский язык – ведь пустырник – эта одна из дешевых спиртовых настоек, которую как раз и употребляют бомжи.

Что это могло быть – мистификация изнывающих от безделья людей, их внутренняя легенда, или какой-нибудь не известный медицине случай массовой белой горячки?

Во всяком случае, Жарова клюнула мысль сделать об этом материал для газеты, в рубрику «Непознанное», благо что он вспомнил, что одна из его давних знакомых как раз и живет в доме на краю Троекуровского пустыря.

Лидочка была из тех женщин, которые никогда не расстаются, никогда не теряются, а просто накапливают своих мужчин, пока не выйдут наконец замуж и разом не обрубят всех. Или почти всех, и так иногда случается... Бывает, впрочем, что они вообще не выходят замуж, и тогда вся эта катавасия продолжается долгие годы.

Как-то вечером Жаров позвонил Лидочке, напрашиваясь в гости, и она лениво согласилась его принять, правда, она еще подумает, прикинет, и тогда сама перезвонит, и так далее. Ну его, этого Пустырника, – подумал Жаров, – если Лидочка не в настроении, или другому уже назначено, другим... А поломаться, да в невинность поиграть – все они горады.

Жаров заснул лишь под утро: ему не давали покоя мартовские коты. Впрочем, эти радостные звуки красноречиво свидетельствовали о том, что весна окончательно вступила в свои права.

Сезонность вообще в Ялте абстрактна – порой, шагая по улице, не сразу разберешь, лето сейчас или зима, но лишь сведущий человек, не просто местный, но искушенный, наблюдательный, сразу определит и время года, и даже месяц, поскольку сезонов-то в Ялте не четыре, а целых двенадцать, и каждый месяц наступает будто бы новое время года, сильно отличное от других. Сезоны определяются своими четкими признаками – цветением особых растений, звуками и запахами, просто теми или иными лицами – ведь население города в середине лета, составляющее в большинстве праздную толпу курортников, совсем не то, что, скажем, сейчас, в начале весны, когда по городу бродят одни местные.

Жаров проснулся уже в новых сумерках. День был сегодня пустой – среда. Будучи хозяином своей маленькой еженедельной газеты, он сам и определил себе выходные: среду и четверг.

Проснулся он не просто так, а от требовательного телефонного звонка. Жаров перевернул затекшее тело на кровати, одной рукой схватил трубку, другой нашарил на ночном столике сигареты.

Звонила Лидочка. Она желала видеть Жарова сегодня же вечером у себя в гостях. Жаров быстро принял душ, побрился, надел все красивое и чистое, легким шагом вышел на улицу,

залетел в ближайший магазинчик за вином и закуской, торопливо сбежал по сократам к автовокзалу и поймал такси.

Дом, где жила Лидочка, стоял наверху, на самом краю города, дальше был пустырь. Старинное мрачное здание, в плане похожее на огромную букву Ц, так вписывалось рельеф, что нижняя полка буквы, с хвостиком, который представлял собой башенку с остроконечной крышей, была одноэтажной. Два других крыла круто спускались по склону, и здание превращалось в трехэтажное, да еще с цоколем, считай – четвертым этажом, где в давние времена, когда этот дом принадлежал одной семье, располагались всяческие хозяйственные помещения – кухня, котельная, конюшня.

Выйдя из машины, Жаров ступил было на лестницу, ведущую во двор, но вдруг замер, оглянувшись...

Темнело. Вдали горел костер, на фоне огненного пятна возились люди. Жаров повернулся и зашагал вглубь пустыря. Ладно, девушка подождет, подумал он. В конце концов, работа – вот что самое важное в жизни.

Впрочем, выяснять оказалось нечего. Действительными у костра, вернее, у ржавой бочки, которая служила уличной печью, оказались лишь двое – бывший мореман Славка, по кличке Слива, и Кукуруза, некая женщина-бомж, которой можно было на вид дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят. Остальные – три или четыре человека, понять эту кучу казалось невозможным – спали на кусках картона, выстроившись вокруг бочки-печи полукругом немислимо заломленных рук и ног, словно груда трупов в концлагере.

Рассказы Сливы и Кукурузы о Пустырнике были выразительны, но туманны и противоречивы.

– Я не пойму, – прервал Жаров. – Пустырник – это человек или животное?

– Ни то, ни се... – задумчиво проговорил Слива.

– Мутант, что ли?

– Точно! – воскликнула Кукуруза. – Небось, чернобыльский мутант какой-то.

– Ага! – прокомментировал Слива. – Добирался сюда, падла, оврагами...

– К теплу стремился, к морю, – подтвердила Кукуруза, не услышав иронии.

Она протянула свои дрожащие руки к огню. Жаров отметил, что у нее длинные, музыкальные пальцы. Немудрено: когда-то эта женщина виртуозно владела семиструнной гитарой, взяла приз на республиканском конкурсе... В другой жизни, в другой стране. Теперь это были сухие, грязные, суставчатые пальцы.

– Ты что же – на самом деле его видел? – настаивал Жаров.

– Да, – сказал Слива. – Лично я сам и видел. И вот он видел, и вот она...

Слива поочередно ткнул кулаком в сторону кучи скрюченных бомжей: среди них, может быть, и вправду были какие-то «он» и «она».

Жаров давно заметил, что и Слива, и Кукуруза время от времени поглядывают на массивный пакет, который он, подойдя, поставил на землю меж своих ботинок. Жаров явно перебрал с угощениями для Лидочки. Ну ее, сытую, толстую, подумал он. Дома живет в тепле, денег кучу в больнице на подачках наламывает. Хватит с нее бутылки вина и шоколадки. Да и напиваться в такую ночь не стоит, пожадничал да и только.

– Скорее, это просто человек в маске, который морочит вам головы, – сказал Жаров.

– Может быть, – устало вздохнул Слива.

– А может быть и нет... – неопределенно заметила Кукуруза.

– И зачем это ему нужно – морочить кому-то головы? – сказал Слива.

– Разве что, у него самого с головой не в порядке, – сказала, хохотнув, Кукуруза.

Жаров разгрузил свой пакет у пылающей бочки – палку колбасы, полкруга сыра, бутылку хорошей горилки, которая и не снилась этим людям. Хотя, может быть, как раз и снилась, кто знает, какие у них сны...

Слива держал бутылку на вытянутой руке, разглядывая этикетку, другой рукой задумчиво чесал затылок. Кукуруза держала колбасу и сыр на растопыренных руках – так, словно эти дары только что свалились с неба.

– Это ведь сколько же нормальной водки можно было взять... – бестактно пробурчал Слива, прикидывая стоимость этого поила, употребляемого исключительно средним классом.

– А пустырнику сколько... – протянул Жаров с притворной мечтательностью.

Через пять минут он поднялся по облупленной лестнице, ведущей через двор Лидочкиного дома, мимо мертвого фонтана, мерно размахивая бутылкой выдержанной коллекционной мадеры. Преодолев небольшую внутреннюю лестницу, ведущую с цокольного этажа на первый, также знавшую лучшие времена, он позвонил у дверей второй квартиры. Из нагрудного кармана его куртки, словно шикарный платок, торчала шоколадка. Запах кошачьей мочи чувствовался не только на лестнице и у дверей квартиры, но даже на улице, во дворе. Похоже, сама старинная кладка этого дома, серые ялтинские камни пропахли котами в самой кристаллической структуре своей.

Тяжелые шаги Лидочки приблизились из глубины квартиры. Высокая и крупная женщина, пышущая здоровьем, сияющая чистотой, распахнула дверь с уже готовой улыбкой на полных чувственных губах. Жаров тоже улыбался. Ему показалось, что оба они сейчас думают об одном и том же – именно для чего они встретились и как собираются провести эту ночь. От того, что дверь в кошачью вотчину открылась, запах ничуть не усилился, ибо он и так был выше всякого предела.

* * *

Лидочка обвила шею Жарова мягкими руками, он потянулся поцеловать, но девушка отпрянула, коротко приложив палец к его губам.

– Тише! – прошептала она. – Тетушка, небось, у двери скрючилась, слушает.

Жаров кивнул и молча прошел в комнату Лидочки. Между этой комнатой и обителью тетушки была еще одна, нежилая, вернее, там располагалась целая стая тетушкиных котов. В Лидочкиной спальне можно было и музыку громко включить, и кричать вволю: старушка все равно не услышит.

– И что ты так долго? – с притворной строгостью спросила девушка, зажигая палочку индийского благовония, вполне уместную здесь.

Жаров поставил на стол бутылку, небрежно бросил рядом заморскую шоколадку, на которую, подумал, также можно было закупить пачку местных... Какая ей разница? Пришел и все, и приятный вечер уже начался. Жаров все же поведал в двух словах, что заглянул к бомжам, расспросил их о Пустырнике.

– Да что там какое-то чудовище, где-то на пустыре! – с досадой воскликнула Лидочка. – Тут в родном доме тебя могут живьем сожрать.

– Ты о чем?

– О котах этих, – Лидочка кивнула на стену.

Жаров меж тем откупорил бутылку, распотрошил шоколадку и налил вино в бокалы, которые вовремя подставила сообразительная Лидочка, предварительно продув их от пыли. Чокнулись, выпили. Жаров произнес свое традиционное:

– За тебя!

Наверное, наличие тетушки и ее котов изрядно сокращает круг Лидочкиных мужчин. Поставив бокал на стол, он присел на край кровати и шлепнул ладонью по покрывалу, приглашая девушку к себе. Та сняла заколку-бабочку, тряхнула головой и ее чудесные волосы разместились по плечам и спине.

– Меня убьет кошка, мне на роду написано, – сказала она, садясь рядом с Жаровым. – Цыганка в детстве нагадала.

– Да что ты такое говоришь? Как может убить кошка?

– Да не знаю я! Бывает, например, что нагадают смерть от воды. Человек будет думать, что он должен утонуть, будет бояться воды. Лишит себя удовольствия купаться в море, не станет ходить в бассейн, плавать на кораблях и так далее. Но как-нибудь однажды, в жаркий день, напьется из родника на Караголе, схватит воспаление легких да и умрет.

– И примешь ты смерть от коня своего... – задумчиво произнес Жаров.

– Что? – вскрикнула Лидочка. – Какого еще коня? Я говорю про кошку, понимаешь, ты, про кошку... Слушай, может, это будет тигр? Ведь он тоже кошка, да? Или это твое чудище на пустыре? Вдруг, оно и есть тигр, который сбежал из зоопарка?

– Да нет, Пустырник, как говорят, больше похож на гориллу.

Жаров поставил засечку: надо бы выяснить, через отдел: не сбежало ли, и в правду, из зоопарка, или из какого-нибудь частного зверинца подобное существо?

– Это меня не утешает, – сказала Лидочка. – Горилла, она ведь тоже родственница кошке.

– Вовсе нет! – рассмеялся Жаров. – Но я вот что подумал. Допустим, лежит где-то дохлая кошка. Ты пнешь ее ногой. И из ее черепа выползет какой-нибудь червяк. Ну, образно говоря... Кошки ведь переносят всякую заразу.

– И я о том же! А она развела тут кошек, и это точно – назло мне! Чтобы я все время страдала, боялась, что подхвачу от них каких-нибудь глистов или чего похуже. Ведь она знает про цыганку, та при ней же и гадала...

– Да за что же ей тебя ненавидеть-то, родную племянницу?

Лидочка замолчала, опустила голову. Волосы упали ей на лицо, сквозь их шелковый поток Жаров все равно видел, что девушка кусает губы, словно в приступе внезапного стыда. Явно была какая-то причина, какая-то история между тетушкой и племянницей, и Жаров давно это предполагал, но Лидочка никогда не раскрывалась полностью. Немудрено: ведь их многолетнее общение вряд ли можно назвать душевным.

Жаров обнял Лидочку, легко сжал ее полное плечо. Медленно провел пальцами снизу-вверх по гладкой шее, осторожно коснулся уха, погладил теплую раковину изнутри. Девушка мурлыкнула, вдруг недовольно дернула головой.

– Душно, – заявила она. – Открой-ка, пожалуйста, окно.

Ничего, подумал Жаров. Мы вас, сударыня все равно... Хотя с закрытым, хоть с открытым. Никуда вам, принцесса, от нас не уйти!

Пребывая в том волнующем состоянии, что знакомо каждому мужчине в момент, когда все формальности исчерпаны, Жаров прошел к окну и распахнул его. На мгновение задержал взгляд на открывшемся пейзаже. Окраина, пустырь. Вдали по-прежнему горит бочка, будто бы уже в каком-то другом мире. Мелькнула на фоне туманного пятна сгорбленная фигурка, наверное – Кукуруза... Что за ересь несут эти люди про чудовище? Однако, дыма без огня не бывает.

Жаров повернулся, чувствуя спиной прохладный мартовский воздух, идущий из окна плотным потоком. Лидочка все так же сидела на краю кровати, ждала. Он подошел и сел рядом, погладил ее по загривку, потянулся поцеловать, но Лидочка вдруг отвернула лицо.

– Подожди. А теперь вот мне холодно. Иди-ка, лучше, закрой окно.

Так, подумал Жаров. Девушка ломается, что вполне в стиле маленьких принцесс. Но желание дамы закон, тем более – в такой момент.

Жаров вскочил и с треском захлопнул окно, уже не глядя на дальний пейзаж. Вернулся. Теперь-то ничто не помешает...

В следующий миг выяснилось, что он ошибался. Где-то за стеной послышался хриплый, ужасно громкий, отчаянный вопль.

– Это она, чтоб ей пусто было! – воскликнула Лидочка, вскакивая. – Что там еще у нее стряслось?

Жаров вдруг понял, что никакой райской ночи не предвидится, поскольку, судя по силе криков тетушки, с нею происходило нечто совершенно ужасное, и что это ужасное затянется надолго, в самый раз – на всю оставшуюся ночь.

* * *

В обширном коридоре этой дореволюционной квартиры был настоящий простор для истерики. Старая женщина металась от стены к стене, то причитая, то жалобно воя.

– Убили! Убили родного моего! – только и сумел разобрать Жаров.

Где следователь, там и убийство, успел подумать он, выйдя из комнаты Лидочки, пока старушка не бросилась на него.

– Ты! Ты – убил? У-у, журналюга проклятая!

Тетушка заколотила по груди Жарова маленькими сухими кулачками. Жаров отворачивал лицо, боясь, что сейчас ему выпарапают глаза, поскольку, как он заметил, когти у старушки были весьма длинные.

– Кого убили, Анна Трофимовна? – с преувеличенным волнением спросил Жаров, каким-то шестым чувством понимая, что здесь происходит не трагедия, а фарс.

Меж тем коридор заполнялся фигурами котов, они все прибывали, выходя из комнаты тетушки, из соседней, «кошачьей» комнаты, поскольку в своих метаниях тетушка успела распахнуть и эту дверь.

Коты шли по тускло блестящему паркету, прыгали на тумбочку, скидывая с нее обувь, бросались на стену, скатывались на пол... Одна крупная кошка, пятнистая, словно корова, принялась валяться посреди коридора, широко размахивая лапами.

– Пушистик мой! – рыдала старушка у Жарова на плече, уже утратив агрессию. – Совсем извести меня хочет, – гнусаво протянула она. – Извести и отобрать квартиру. Это она убила моего Пушистика!

Лидочка, услышав бормотание тетушки, с досадой махнула рукой, повернулась и ушла к себе. Так, – подумал Жаров. – Следовательно, меня уже исключили из числа подозреваемых.

Закрывая лицо ладонью, Анна Трофимовна указала на дверь своей комнаты. Жаров недоуменно заглянул туда. Он не сразу заметил в нагромождении мебели то, что вызвало все эти бурные чувства.

У восточной стены комнаты был старинный камин, вряд ли хоть раз использовавшийся в современном мире центрального отопления. В жерле камина, на тонкой белой веревке неподвижно висел задушенный кот.

– А я всегда думал, что эта труба заложена, – пробормотал Жаров.

Действительно, на крыше дома, не раз ремонтировавшейся, давно уже не было никакой каминной трубы. Следовательно, она обрывалась на чердаке, и кто-то спустил труп кота оттуда.

Жаров прошел в комнату, нагнулся над камином. Зрелище было отвратительным. Петля, связанная каким-то замысловатым узлом, так стягивала шею бедного зверька, что казалось, будто голова вот-вот отломится. Лапки сложены на груди, глаза стеклянно блестят, улавливая свет люстры.

Жаров осторожно подергал веревку, уходящую в дымоход. Крепко за что-то зацеплена.

– Когда это случилось, как? – с участием проговорил он.

Старушка прошла в комнату, села в кресло, повернувшись спиной к камину, чтобы не смотреть.

– Только что. Я тут вязала вот, – Анна Трофимовна потрясла малиновым клубком. – Слышу: шорох. Оглядываюсь: из камина сыплется труха. И тут, прямо во всей этой трухе появ-

ляется Пушистик! Она все, она! – повторяла старушка, указывая в сторону, где была спальня Лидочки.

Жаров-то уж точно знал, что в гибели Пушистика Лидочка никак не повинна.

– Ясно, – сказал он. – Преступник, возможно, еще наверху, на чердаке. Сейчас я его возьму.

Жаров уже шел к выходу, говоря эти слова. Тут раздался настойчивый звонок. Жаров распахнул дверь и увидел целую толпу. Судя по домашним одеждам незваных гостей, это были соседи, кое-кого из них Жаров знал, не раз бывая в этом условно гостеприимном доме.

– Геннадия Георгиевичу салют! – бросил Жаров, на ходу пожимая руку статному седому старику и, не дожидаясь вопросов, бросился вверх по лестнице. В нестройном ропоте соседей он услышал, как Геннадий Георгиевич приветствует хозяйку своим хорошо поставленным голосом офицера запаса.

Миновав дверь кладовой, откуда тянуло гнилью, затем дверь в башенку, где также была квартира, значившаяся под номером шесть, Жаров оказался перед чердачной лестницей. Люк был распахнут, в черном квадрате гудел сквозняк. Жаров поднялся по лестнице и выпрыгнул на чердак, шурша керамзитом. В темноте что-то знакомо блестело, принимая короткий луч света с улицы, отблеск углового окна на первом этаже, как раз того самого, за которым была теплая, уютная Лидочка... Жаров едва узнал электрическую лампу, висевшую на витом шнуре. Ага, значит, где-то должен быть выключатель.

Разыскав его, древнее эбонитовое устройство с поворотным рычагом, Жаров осветил чердак, мгновенно осмотрелся и понял, что тут никого нет. Если, конечно, убийца не скрывался за обломком каминной трубы.

– Эй, ты! – крикнул Жаров. – Счас я тебя...

Но чердак был и вправду пуст: за трубой был все тот же керамзит и вековая пыль. Отсюда, с торца, оба колена чердака просматривались довольно хорошо, хотя и были завалены каким-то хламом, но все же недостаточно, чтобы спрятать человека.

Одна деталь привлекла внимание Жарова: от люка к ближайшему слуховому окну через вела хорошо найденная тропа. Кто-то тут ходил на крышу и, судя по налету на керамзите – довольно-таки регулярно.

В толпе соседей Жаров видел двоих детей – мальчика и девочку. Это были брат и сестра из четвертой квартиры. Первые подозреваемые, конечно, они, ибо зачем взрослому человеку вешать кота, да еще спускать в дымоход старушки? Жаров подумал, что раскрыть это преступление ему удастся легко, по горячим следам.

Веревка была привязана за дубовую стропилину. Интересно, – подумал Жаров, – как детям удалось столь точно рассчитать ее длину, чтобы труп кота, пройдя через три этажа, повис прямо посередине топки камина?

Жаров осторожно выбрал веревку и освободил кота от петли. Трупик был окоченевший, значит, животное было задушено достаточно давно, и специально спущено в трубу, чтобы напугать старушку, досадить ей. Станный какой-то факт. Зачем ждать, чего ждать в ходе такой шалости?

Он нашел на полу какую-то тряпку и завернул в нее кота. Веревку скатал и спрятал в карман. Ему было жалко Пушистика, наверное, поэтому он и не испытывал никакой брезгливости. Убийство есть убийство, – серьезно подумал Жаров. – Может быть, оно и не важно, что жертва – кот.

Жаров уже собрался спуститься, как что-то привлекло его внимание. Прямо под трубой, на полу чердака поблескивало нечто инородное. Это был маленький, с инжирину величиной, комок белого вещества, на ощупь мягкого. Жаров нагнулся и осторожно взял его.

Здесь, на чердаке, этот предмет показался ему странным и, возможно, он имел прямое отношение к убийству. Жаров пожертвовал своим носовым платком, чтобы завернуть и спрятать это в карман.

* * *

Держа на весу сверток с телом убиенного, Жаров спустился по лестнице на площадку третьего этажа. Двое детей тотчас бросились ему навстречу.

– Дядечка! – воскликнула девчонка. – Отдайте нам Пушистика.

– Мы его похороним, – пояснил мальчишка.

– По-человечески, – добавила девчонка, то ли иронизируя, то ли и вправду не замечая нелепости своих слов.

– Гробик ему сделаем деревянный, – плачущим голосом произнес мальчик.

Оглядев детей, Жаров вдруг почему-то сделал категорический вывод: это они. Что-то было в них подозрительное, фальшивое. Жаров молча вручил им сверток.

Он решил поначалу проведать Лидочку, а уж затем пристально допросить детей из четвертой. Дверь квартиры была распахнута, в коридоре маячила соседка в бежевом халате, как раз мать этих детей. В комнате старушки был Геннадий Георгиевич, он потрясал в воздухе щепотью пальцев, утешая Анну Трофимовну.

Жаров вернулся к Лидочке, но тут его ожидал новый сюрприз. Еще на лестнице (если даже не на чердаке) он услышал запах какого-то растения, до боли знакомого... Почему-то вспомнилось пионерское детство, школа, еще безусый, но всегда очкастый Пилипенко в синей форме с пузырями на коленях... Мимоза!

Первое, что он увидел, открыв дверь Лидочкиной комнаты, был букет из огромных древесных ветвей, кем-то водруженный посередине круглого стола, и в желтых цветочных лучах меркла жаровская роза, хотя это был далеко не мелкий образец декоративного цветоводства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.